

БОРИС ВАЛЕРЬЕВИЧ ОРЕХОВ

кандидат филологических наук, доцент Школы лингвистики
Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
nevmenandr@gmail.com

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ РУССКИХ КЛАССИКОВ XIX ВЕКА: ОПЫТ КОНТРАСТИВНОГО КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Статья представляет результаты количественного исследования, выявляющего характерные и специфические низкочастотные слова для прозы русских классиков XIX века. С помощью меры TF-IDF и большой коллекции текстов XIX века для Тургенева, Гончарова, Лескова, Достоевского рассчитываются слова и обороты, которые редко встречаются или не встречаются у других авторов, но несколько раз появляются в прозе классиков. Такой контрастивный подход способен дополнить традиционную авторскую лексикографию, выявить специфические черты стиля конкретного автора на фоне современного ему языка. Специфические слова и обороты писателей разнообразны, имеют иноязычное происхождение, восходят к современным писателю реалиям либо отражают особенности его авторского стиля. Характерные слова Гончарова отражают жанровую специфику его корпуса. Слова, рассчитанные для Тургенева, Лескова и Достоевского, хорошо соотносятся с особенностями стиля этих писателей. При этом выявленная лексика Достоевского еще раз подчеркивает его историко-литературную связь с Гоголем и дает материал для филологического анализа, который может привести к обоснованию знакомства автора «великого пятикнижия» с трудами П. А. Кропоткина.

Ключевые слова: лексикография, лексика, проза, количественные методы, корпус, Достоевский, Тургенев, Гончаров, Лесков
Для цитирования: Орехов Б. В. Специфические слова и выражения русских классиков XIX века: опыт контрастивного корпусного исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.354

ВВЕДЕНИЕ

Русистика накопила значительный лексикографический материал, представленный в форме авторских словарей [6]. В них фиксируется используемая чаще всего писателем (иногда общественно и культурно значимой персоной другой специализации) лексика, что, в свою очередь, дает возможность исследователям систематизировать словесный уровень организации текста, выявить качественные и количественные закономерности в употреблении тех или иных единиц. Так, словари, содержащие сведения о частотности, становятся основой для выводов о поэтике того или иного автора, не всегда, впрочем, убедительных. Однако, используя такого рода источник, исследователь оказывается в ситуации ограниченности своей оптики. Обозревая предмет имманентно, он лишен возможности оценить, насколько системообразующими являются фиксируемые им закономерности, проявляет себя в них авторская индивидуальность или реальность языка. В ситуации, когда в распоряжении у лингвиста имеются сравнительно большие текстовые коллекции, а компьютерная лингвистика накопила достаточный опыт в автоматической обработке текстовой информации, позволяющий избежать «детских болезней» подсчетов, можно констатировать, что созданы благоприятные условия для сопоставительно-контрастивного изучения словарей авторов, призванного дополнить

традиционный имманентный подход. О методах контрастивной лингвистики см. [3].

В этой статье будут представлены некоторые предварительные результаты контрастивного исследования лексики признанных русских прозаиков XIX века. Предмет поисков будут составлять такие слова и сочетания слов, которые часто употребляются в текстах одного автора и редко появляются в произведениях, созданных другими авторами того же периода. Подчеркнем, что речь идет не о частотных единицах в привычном нам смысле: лексика, представленная ниже, может быть редкой. Интересующая нас особенность этих единиц в том, что у других авторов эти слова встречаются еще реже или не встречается совсем. Таким образом, с помощью количественных методов мы находим неочевидные даже при медленном чтении «любимые» слова и выражения писателей, характерные именно для их стиля, что в конечном счете может быть полезно для практических задач филологического анализа, сложных случаев установления авторства, а также для теоретической проблемы описания идиостиля.

МАТЕРИАЛ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили тексты, входящие в Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru/>). С одной стороны, это произведения И. С. Тургенева (846 тыс.

слов), Ф. М. Достоевского (1 млн 960 тыс. слов), И. А. Гончарова (950 тыс. слов), Н. С. Лескова (1 млн 254 тыс. слов); с другой стороны, это случайные тексты XIX века общим объемом 27 млн словоупотреблений, не принадлежащие названным авторам. Из выборки были исключены драматические и стихотворные произведения¹.

Все слова в текстах приведены к своей начальной форме при помощи программы *Mystem*² (грамматическая омонимия разрешена с помощью встроженного алгоритма программы), единицы служебных частей речи удалены.

Дальнейшие подсчеты производились с использованием меры TF-IDF (term frequency-inverse document frequency), назначение которой в том, чтобы понизить рейтинг слов, которые частотны в любом тексте, и повысить рейтинг слов, которые редко встречаются в других текстах, кроме анализируемого. Последовательность вычислений такая: сначала а) делим частотность слова в тексте на длину текста, затем б) берем логарифм от общего числа текстов, деленный на число текстов, в которых встречается интересующее нас слово, наконец, перемножаем а) и б).

Полученные значения комбинируются с абсолютными показателями частотности слов и числом текстов, содержащих интересующее нас слово. Аналогичным образом подсчитаны и сочетания слов, так называемые триграммы, то есть последовательности из трех идущих подряд слов. В большинстве случаев такая оптика позволяет выявить именно низкочастотные слова, которые при этом встречаются у других авторов еще реже или не встречаются вовсе. Речь идет о настолько малых величинах (несколько раз на сотни тысяч словоупотреблений), что человеческой интуиции иметь с ними дело трудно, а количественные методики позволяют находить их и делать зримыми в рамках исследования. Результаты таких подсчетов неизбежно должны корректироваться с расширением выборки. Не все полученные значения могут подтвердиться после пересчета распределений в более богатой текстовой коллекции. Однако некоторые предварительные наблюдения все же можно принять к сведению.

РЕЗУЛЬТАТЫ

И. С. Тургенев

Уникальное (то есть более не встретившееся в корпусе) слово **полузавядший** («Вешние воды», «Бригадир», «Три встречи») кажется очень подходящим для сентиментального стиля Тургенева:

«Потом он брал брошенную ему розу – и казалось ему, что от ее полузавядших лепестков веяло другим, еще более тонким запахом, чем обычный запах роз...»

Та же характеристика может быть дана прилагательному **предрассветный** («Дворянское гнездо», «Бежин луг», «Стихотворения в прозе»): «В саду пел соловей свою последнюю, передрассветную песню».

Особый интерес писатель питал к слову **лоснистый**, которое не употребляет никто, кроме

него, а у Тургенева оно появляется в «Нови», «Вешних водах», «Дворянском гнезде», «Трех встречах»: «...вся ее фигура, от лоснистых волос до кончика едва выставленной ботинки, была так изыщна...»

Тургенев, очевидно, питал интерес к слову **хохотанье**, которое повторял в «Первой любви», «Дворянском гнезде» и «Рудине». Других употреблений в XIX веке не зафиксировано.

«Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками».

У Тургенева мы так же, как и у Достоевского (см. ниже), находим уникальное прилагательное с суффиксом **-еньк-**. Достоевский обычно, употребляя такие прилагательные однажды, к ним не возвращался, а Тургенев использует **мякенький** три раза («Отрывки из воспоминаний своих и чужих», «Дым», «Отцы и дети»):

«Ты славный малый; но ты все-таки мякенький, либеральный барич – э волату, как выражается мой родитель».

Не прижившаяся в языке, но понравившаяся Тургеневу форма: **шапонька**, не фигурирующая в текстах других авторов («Собака», «Бежин луг», «Однودворец Овсяников», «Отрывки из воспоминаний своих и чужих», «Стихотворения в прозе»):

«Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, – глядь, а только уж одна Васина шапонька по воде плывет».

Не уникальное, но редкое и нравящееся Тургеневу больше, чем другим (Салтыков-Щедрин, Станюкович, Эртель), слово **повиливать** («Муму», «Рудин», «Вешние воды», «Стихотворения в прозе»): «Она страстно привязалась к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, всё ходила за ним, повиливая хвостиком». Аналогично распределены в корпусе слова **злюка** («История лейтенанта Ергунова», «Степной король Лир», «Пунин и Бабурин», «Стихотворения в прозе»): «Да, думалось мне, эта злюка – это новый тип...» и **заробеть** («Однودворец Овсяников», «Петр Петрович Каратаев», «Смерть», «Месяц в деревне», «Первая любовь», «Конец Чертопханова», «Стучит!», «Клара Милич»): «Заробел так, что пересказать невозможно».

Редкие слова, которых нет почти ни у кого, кроме Тургенева: **улицезреть** («Конец Чертопханова», «Клара Милич», «Отрывки из воспоминаний своих и чужих», «Новь»): «Со всем тем вернуться к ней он не желал нисколько – и свет, часть которого он улицезрел у нее в доме, отталкивал его больше чем когда-либо»; **прошелесть** («Стучит!», «Призраки фантазия», «Отцы и дети»): «Ветер то прошелестит в кустах, закает ветки, то совсем замрет»; **брюхач** («Ермолай и мельничиха», «Контора», «Однودворец Овсяников»): «Не поеду я к этому брюхачу. Рыбу даст сотенную, а масло положит тухлое».

В прозе Тургенева мы также находим несколько уникальных оборотов, не встречающихся в текстах других авторов XIX века:

Голос изменил ей («Несчастливая», «Дым», «Отцы и дети», «Накануне»): «Она внезапно схватила мою руку своими застывшими пальцами, но голос изменил ей».

С небольшой запинкой («Первая любовь», «Дворянское гнездо», «Рудин», «Фауст»): «Я читала... историю крестовых походов, — проговорила Наталья с небольшой запинкой».

Начал он неверным голосом («Новь», «Вешние воды», «Дворянское гнездо», «Рудин»): «Пожалуйста, — начал он неверным голосом, — не шутите так надо мною».

После небольшого молчания («Бирюк», «История лейтенанта Ергунова», «Свидание», «Ермолай и мельничиха», «Петр Петрович Каратаев»): «Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчания, — коли прикажете, я вас из лесу провожу». Есть также в драматическом произведении Тургенева «Нахлебник».

Сквозь частую сетку («Странная история», «Дым», «Свидание», «Контора»): «Глаза ее блестели странным блеском, а щеки и губы мертвенно белели сквозь частую сетку вуаля».

Словно на цыпочках («Новь», «Отцы и дети», «Странная история», Чертопханов и Недопоскин»): «Но Базаров отвечал ему нехотя и небрежно и однажды, заметив, что отец в разговоре понемножку подо что-то подбирается, с досадой сказал ему: “Что ты все около меня словно на цыпочках ходишь?”»

Ф. М. Достоевский

Лингвисты давно отмечали особое пристрастие Достоевского к производству диминутивов:

«В речи следователя Порфирия Петровича из “Преступления и наказания” Ф. М. Достоевского уменьшительные формы создают язвительно-насмешливый тон речи под маской “дружественного участия”, например: “я знаю, он моя жертвочка...”; “он у меня психологически не убежит, хе-хе, каково выраженьице-то...”; “говори, а у самого зубки во рту один о другой колотятся...”; “Губка-то, как и тогда, вздрагивает”, — пробормотал как бы даже с участием Порфирий Петрович” и т. п.» [2: 95–96].

Действительно, форма **жертвочка**, которая однажды возникает до Достоевского у Бестужева-Марлинского, но Достоевским используется много раз («Дневник писателя», «Подросток», «Игрок», «Преступление и наказание», «Слабое сердце»): «Он ужасно был уверен, что я не вырвусь; он обнимал и придерживал меня с наслаждением, как жертвочку». Кроме существительных со значением уменьшительности, Достоевский эксплуатирует эту семантику и при образовании прилагательных с суффиксом -еньк-: **вороватенький** («Бесы», «Бедные люди»), **горденький** («Дневник писателя»), **щекотливенький** («Преступление и наказание»):

«Я уж и к двери, да он-то вошел — так себе, седенький, глазки такие вороватенькие, в халате засаленном и веревкой подпоясан»; «Я, дескать, сам люблю горденьких»; «На всякий случай есть у меня и еще к вам просьбица, — прибавил он, понизив голос, — щекотливенькая она, а важная».

Если эта форма прилагательных сконструирована так, чтобы уменьшить выраженность признака, то усиливает признак в идиолекте писателя приставка пре-: **прекомический** («Пре-

ступление и наказание», «Записки из Мертвого дома», «Бедные люди»): «Прекомические иногда случаи случаются в этом роде-с». Это слово, кроме текстов Достоевского, встречается не часто: только у С. Т. Аксакова и Д. А. Смирнова. **Предосадный** («Игрок», «Дядюшкин сон», «Маленький герой», «Братья Карамазовы»): «Это даже сбивало меня несколько с толку, и в игорные залы я вошел с предосадным чувством». Кроме Достоевского слово по разу также употребляют Фет, Лесков, Греч, Салтыков-Щедрин.

Характерное для писателя слово — **всеприимение** (несколько раз в «Девнике писателя», «Подросток»):

«О, не беспокойся, я знаю, что это было “логично”, и слишком понимаю неотразимость текущей идеи, но, как носитель высшей русской культурной мысли, я не мог допустить того, ибо высшая русская мысль есть всеприимение идей».

Еще одно слово, будто бы служащее для самохарактеристики стиля Достоевского: **порывчатость**, не встречающееся более ни у кого, зато самим Достоевским употребленное несколько раз в «Идиоте», по разу в «Хозяйке», «Неточке Незвановой» и «Записках из Мертвого дома»:

«Он ясно увидел, что вся эта порывчатость, горячка и нетерпение — не что иное, как бессознательное отчаяние при воспоминании о пропавшем таланте».

Запоминающееся для читателя «Записок из Мертвого дома» слово **фартикульность** ‘внутренность’ есть у Достоевского и в «Записных книжках»: «Остолоп! Никакой фартикульности нет. Прогорел, — разживусь!» — и это уникальные употребления во всем корпусе.

Слово **фраппировать** ‘ошеломлять’ появляется у Достоевского в «Дневнике писателя», «Дядюшкином сне» и «Бесах». И хотя оно эпизодически встречается и у других авторов, писателю слово явно нравилось: «Знал бы только, что это вас так фраппирует, так я бы совсем и не начал-с...»

Несколько раз в «Дневнике писателя» повторено слово **единительный**:

«В самом деле, в наше, столь народное, столь единительное и патриотическое время, когда именно всюду ищешь у себя дома русских, ждешь русских, желаешь и требуешь русских».

А до Достоевского его употребляет только Ломоносов в своей «Грамматике», имея в виду характеристику знака препинания.

Уникальное для Достоевского слово **подсочиненный**, появляющееся в «Записках из подполья» и «Преступлении и наказании»:

«Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно подсочиненная, книжная, что я сам не выдержал даже минуты, — сначала отскочил в угол, чтоб не видеть, а потом со стыдом и отчаянием бросился вслед за Лизой».

Исключительно у Достоевского мы находим глагол **замертветь**, встречающийся в «Дневнике писателя», «Идиоте» и «Хозяйке»:

«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет».

Хорошо заметно любопытство Достоевского к уникальному слову **намечтать** («Записные книжки», «Братья Карамазовы», «Дневник писателя», «Подросток», «Преступление и наказание»): «Намечтать можно самое веселое, а жить скука».

Любопытна история редкого слова **скорлупчатый**, появляющегося в «Идиоте»:

«Я его очень хорошо разглядел: оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающийся гад, длиной вершка в четыре, у головы толщиной в два пальца, к хвосту постепенно тоньше, так что самый кончик хвоста толщиной не больше десятой доли вершка».

За четыре года до публикации романа это слово возникает в очерке П. А. Кропоткина «Поездка в Окинский караул»:

«Тут графит имеет строение несколько скорлупчатое, заставившее меня даже задуматься, не есть ли это отпечаток растения; к сожалению, при несовершенстве моих инструментов мне не удалось выломать нужного куска из твердейшей горной породы».

Нельзя исключать, что именно там Достоевский и почерпнул это слово, тем более, что больше нигде в XIX веке оно не встречается. При этом, как пишут специалисты по творчеству Достоевского, «имя Петра Алексеевича Кропоткина в наследии Достоевского, в том числе и эпистолярном, не упоминается» [4: 168]. У нас есть только документальные свидетельства знакомства Кропоткина с произведениями Достоевского, но нет доказательных фактов, что Достоевский мог читать тексты Кропоткина. Однако слово «скорлупчатый» может служить своего рода историко-филологической уликой возможного знакомства Достоевского с произведениями Кропоткина.

Почти все найденные обороты (кроме специально оговоренного) в текстах Достоевского уникальны, и у других авторов XIX века не фигурируют:

Я говорю лишь про («Записные книжки», «Дневник писателя», «Бесы»): «Нет, я говорю лишь про сволочь».

Похолодевает от испуга («Братья Карамазовы», «Идиот», «Неточка Незванова», «Слабое сердце»): «И он созерцал это чудище действительно в испуге, похолодевает от испуга».

Я вас давеча («Братья Карамазовы», «Дневник писателя», «Идиот», «Село Степанчиково и его обитатели»): «Нет, видите ли, я вас давеча несколько изучал».

И вот(,) верите ли («Братья Карамазовы», «Дневник писателя», «Бесы», «Записки из Мертвого дома»): «Пришел в сумерки в казарму, лег на койку и вот, верите ли, Александр Петрович, как заплачу». Есть также в воспоминаниях А. А. Фета.

А почти как («Братья Карамазовы», «Дневник писателя», «Бесы», «Идиот»): «Она говорила со мной не то что как с ровным, а почти как с своим».

И. А. Гончаров

У Гончарова заметное число специфических слов, которых нет больше ни у кого, это морские термины, упоминающиеся во «Фрегате “Палла-

да”», например, **марсофал** ‘канат, часть корабельной снасти’. Там же появляется единственный раз и в творчестве Гончарова, и в Национальном корпусе вообще прилагательное **оголландившийся**: «Оба эти места населены голландцами, оголландившимися французами и отчасти англичанами».

Гончаров любил не очень популярное в XIX веке, зато позже подхваченное в первой половине XX века С. Н. Сергеевым-Ценским слово **расстановисто**: оно есть и в «Обрыве», и в «Обломове», и в «Палладе», но больше ни у кого из авторов XIX столетия: «Поди сюда! – расстановисто и настойчиво произнес Обломов».

Не уникально для XIX века (оно есть у С. М. Соловьева, В. В. Крестовского, В. М. Гаршина, но встречается у них единично), но любимо Гончаровым слово **непривилегированный**, которое есть и в «Обрыве», и в «Обломове», и в «Обыкновенной истории», и в «Пепиньерке»:

«Да там при одном слове “объяснение” побледнеют, кажется, самые стены; при звуке непривилегированного поцелуя потрясутся своды, а слово “люблю”, как страшное заклинание, колеблющее ад и вызывающее духов, вызовет целый сонм смущенных начальниц, которые испуганной вереницей принесутся из всех углов, коридоров обширной обители, с зловещим шумом налетят на преступную чету, произнесшую заповедное слово, и поразят ее проклятием».

В том же статусе глагол **скакнуть**. Он есть и у Достоевского, и у Загоскина, и у Лескова, но только у Гончарова сразу во всех трех его романах, а также во «Фрегате “Паллада”»:

«Он хлестнул пристяжных разом одну за другой, они скакнули, вытянулись, и тройка ринулась по дороге в лес».

Гончаров больше других (Гоголя, Дружинина, Писемского) использовал глагол **пропекать** («Обломов», «Обыкновенная история», «Фрегат “Паллада”», письма): «...на палубе и в верхних каютах пропекает насквозь тропическое солнце, а внизу духота».

Заметен особый интерес Гончарова к слову **притворщица**, которое упоминается и в «Обрыве», и в «Обыкновенной истории», и в «Счастливой ошибке», и в письмах:

«Вы – притворщица, Вы – только самолюбивы, и в привязанностях Ваших не лежит серьезного основания, то есть теплого и сердечного».

Очевидно, что занимал воображение Гончарова и образ **архимедова рычага** («Фрегат “Паллада”», «Обломов», «Обрыв», «Заметки о личности Белинского»): «О газетах потише – это Архимедов рычаг: они ворочают миром...» Есть он и у Бестужева-Марлинского, и у Лажечникова, и даже в «Рудине» у Тургенева, а позднее и у Куприна, но только Гончаров обращался к нему несколько раз.

Нравилось Гончарову слово **кадочка** («Иван Савич Поджабрин», в «Обыкновенной истории» даже два раза, «Обломов», «Фрегат “Паллада”»):

«Экономка чиновника, Фекла Андревна, набожная женщина, оставалась у окна до тех пор, пока Авдей внес

последнюю утварь — кадочку с песком, корзинку с пустыми бутылками, две сапожные щетки и кирпич.

Не такое уж редкое слово из церковно-религиозного лексикона **отверзаться**, тем не менее не столь часто последовательно появляется в разных текстах одного автора, но у Гончарова встречается регулярно («Лихая болезнь», «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»):

«Притом здесь на каждом шагу, перед лицом природы, душа его отверзалась мирным, успокоительным впечатлением».

Глагол **вникнуть** употребляют разные авторы XIX века: Гоголь, Белинский, Достоевский. Но только Гончаров бережно переносит его из одного текста в другой («Обыкновенная история», «Письма столичного друга к провинциальному жениху», «Фрегат “Паллада”», «Обломов», «Обрыв», «Письма великому князю Константину Константиновичу»): «Да ты вникнул ли хорошенько, что значит переехать — а? Верно, не вникнул? — И так не вникнул!»

Н. С. Лесков

Только Лесков употребляет затейливый глагол **избредаться** («Житие одной бабы», письмо Л. Н. Толстому):

«Правда ли, не правда ли, что он торговал и овсом, и водкой, и господскими жеребцами, бог его знает, потому что в маленьком хуторе все один другого поедом ели, избредались, несли друг на друга всякую всячину, — а только деньги у него были».

Слово из церковного языка **требоисправление** 'совершение заказанной прихожанами службы' попало в корпус только благодаря текстам Лескова («Епархиальный суд», «Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения»): «Нужно изменить только способ взимания с прихода за обязательные требоисправления».

Глагол **отпырхиваться** 'совершать неречевое действие, похожее на фыркание' не встречается ни у кого, кроме Лескова («Детские годы», «Кувырки»):

«Лев Яковлевич был до того самообольщен, что он даже не говорил по-человечески, а только как-то отпырхивался и отдувался, напоминая то свинью, то лошадь».

Несколько раз Лесков употребляет уникальный глагол **благочинствовать** 'служить священником' («Чающие движения воды», «Божедомы»): «Я пока уже третий год благочинствую, схоронив отца Николая».

Уникальны и слова **авторствовать** («Чающие движения воды», «Божедомы», «Борьба за преобладание») и **нотаточка** («Чающие движения воды», «Божедомы»). Последнее учтено в «Словаре новообразований Н. С. Лескова», отмечено как авторское [1: 332]. Кажется, что предложенный в настоящей статье метод дает возможность для дополнительной проверки словариков таких дескриптивных трудов и уточнения статуса новообразований.

«Это была последняя запись между теми, которые Савелий прочитал, сидя над своею синею книгою; затем была чистая страница, которая манила его руку “занотовать” еще одну “нотаточку”, но протоиерей не решался авторствовать».

Лесков единственный употребляет уменьшительную форму от лоб **лобочек** («Запечатленный ангел», «Очарованный странник», «Некуда»):

«Змиевидная тонина у нас тоже не уважается, а требуется, чтобы женщина была из себя понедристей и с пазушкой, потому оно хотя это и не так фигурно, да зато материнство в ней обозначается, лобочки в нашей настоящей чисто русской женской породе хоть потейнее, помяснее, а зато в этом мягком лобочке веселости и привета больше».

Еще одна непривычная форма диминутива от распространенного слова — **дедуня** («Божедомы», «Чающие движения воды», «Сим воспрещается»): «Спасибо тебе, бедный дедуня!»

Никто, кроме Лескова, не замечен в употреблении глагола **кропотаться** 'браниться', фигурирующего в нескольких текстах («Захудалый род», «Божедомы», «Некуда»): «Кропотаясь на прислугу, она с серьезной физиономией снимала с вешалки теплое пальто Лизы».

Один из любопытных неологизмов Лескова, используемый им в разных текстах, **негилисты** («На ножках», «Божедомы»), специально противопоставленные нигилистам: «Они идеалисты нигилизма, а мы... которые настоящую суть вещей понимаем, мы не нигилисты, а негилисты мы!».

Еще одно уникальное слово — **разбрыляться** 'растрепаться' («Некуда», «Житие одной бабы»): «Шляпа с него слетела, волосы разбрылялись, и в них застряли клочки белой кострики».

Несколько раз у Лескова («Котин доилец и Платонида», «Очарованный странник», «Чающие движения воды») и по разу у двух других авторов XIX века появляется форма **голубятки**: «Стал я их, этих голубят, разглядывать».

Сходно по своей судьбе слово **мычаться** — проигравшее конкуренцию форме мыкаться, но именно его предпочитал Лесков («Захудалый род», «Божедомы», «Воительница», «Некуда»):

«...мычсы, мычсы по всем, да выслушивай, что сам сто раз лучше их знаешь, и возвращайся опять домой, с одним открытием, что “просо-хлеб”...»

В творчестве Лескова отмечены обороты, не встречающиеся в корпусе у других авторов:

Будто как он («Заячий ремиз», «Леди Макбет Мценского уезда», «Некуда», «Кувырки»): «Будто как он и внимания не обратил на то, что сейчас было».

Не про господ, а про свой расход («Железная воля», «На ножках», «Некуда», «Житие одной бабы»): «Как истый немец, он содержал ее не про господ, а про свой расход, и нимало не стеснялся ее несоответствием среде, в которую она попала»

Она немедленно же («Дама и фефёла», «Детские годы», «Захудалый род», «Некуда»): «Женщины и самый Прорвич удивительно обрадовались мысли, выраженной Белоярцевым насчет Райнера, и пристали к Лизе, чтобы она немедленно же уговорила его переходить в Дом».

Не к масти («Владычный суд», «Захудалый род», «На ножах», «Бесстыдник»): «Бабушка моя, княгиня Варвара Никаноровна, говорила о нем, что «он, по тогдашнему времени, был не к масти козырь, презирал искательства и слишком любил добродетель».

Сквозь крепкий сон («Котин доилец и Платонида», «На ножах», «Чающие движения воды», «Лади Макбет Мценского уезда»): «Старому приказчику, спавшему в сарае, сквозь крепкий сон стал слышаться в ночной тишине то шепот с тихим смехом, будто где шаловливые дети советуются, как злее над хилою старостью посмеяться; то хохот звонкий и веселый, словно кого озерные русалки щекочут».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мера TF-IDF на больших текстовых коллекциях позволяет находить характерные слова и обо-

роты. Выявленная лексика интересна не только сама по себе, но и дает дополнительный материал для историко-филологических разысканий. Так, некоторые лексические единицы очередной раз указывают на литературное наследование Достоевским гоголевской линии русской прозы, а также дают повод заподозрить не зафиксированное в других источниках знакомство писателя с трудами П. А. Кропоткина. Представляется, что аналогичное обследование необходимо провести на материале других ключевых авторов русской прозы и поэзии с привлечением более широкого текстового материала и сопоставления с данными «Словаря языка Достоевского», «Словаря языка И. С. Тургенева», «Словаря новообразований Н. С. Лескова».

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 17-29-09154).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа велась с электронной коллекцией текстов Национального корпуса русского языка, так что ссылок на бумажные издания в тексте не приводится.

² Морфологический анализатор Mystem от компании Yandex [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://company.yandex.ru/technology/mystem> (дата обращения 24.03.19).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина Л. В. Словарь новообразований Н. С. Лескова. М.: Флинта: Наука, 2017. 704 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
3. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. М.: Прогресс, 1989. С. 5–17.
4. Твардовская В. А. «Двух голосов переключка»: Достоевский и Кропоткин в поисках общественного идеала // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 13: К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. СПб.: Наука, 1996. С. 168–188.
5. Шаулов С. С. «Гоголевский след» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский: Дополнения к комментарию / Под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2005. С. 575–580.
6. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

Поступила в редакцию 01.04.2019

Boris V. Orekhov, PhD in Philology, National Research University
Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

SPECIFIC WORDS AND PHRASES OF RUSSIAN CLASSIC WRITERS OF THE XIX CENTURY: AN ESSAY ON A CONTRASTIVE CORPUS STUDY*

The paper presents the results of a quantitative study that identifies characteristic and specific low-frequency words for the prose of Russian classic writers of the XIX century. TF-IDF measure and a large collection of the XIX century texts by Turgenev, Goncharov, Leskov and Dostoevsky were used to identify words and phrases that are rarely found or not found in other authors' works, but appear several times in the prose of the classic writers. This contrastive approach is able to complement the traditional author's lexicography, to identify the specific features of a particular author's style against the background of the contemporary language. Writer-specific words and phrases have foreign language origin or come from the reality contemporary to the writer. Words identified for Turgenev, Leskov and Dostoevsky correlate well with the stylistic peculiarities of these writers. At the same time, the revealed vocabulary of Dostoevsky once again underlines his historical and literary connection with Gogol and provides new data for philological analysis, which can lead to finding evidence that the author of the "Great Pentateuch" was familiar with Pyotr Kropotkin's works.

Key words: author's dictionary, lexicography, lexis, prose, quantitative methods, corpus, Dostoevsky, Turgenev, Goncharov, Leskov

* This study was supported by grant from the Russian Foundation for Basic Research (Grant No 17-29-09154).

Cite this article as: Orekhov B. V. Specific words and phrases of Russian classic writers of the XIX century: an essay on a contrastive corpus study. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.354

REFERENCES

1. Alekhina L. V. The vocabulary of Nikolai Leskov's neologisms. Moscow, 2017. 704 p. (In Russ.)
2. Vinogradov V. V. The Russian language. Moscow, 1972. 614 p. (In Russ.)
3. Gak V. G. Contrastive linguistics. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Issue 25. Moscow, 1989. P. 5–17. (In Russ.)
4. Tvardovskaya V. A. "Two voices calling to one another": Dostoevsky and Kropotkin in search of the social ideal. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, 1996. P. 168–188. (In Russ.)
5. Shaurov S. S. Gogol's footprint in Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*. *Dostoevskiy: Dopolneniya k kommentariyu*. (T. A. Kasatkina, Ed.). Moscow, 2005. P. 575–580. (In Russ.)
6. Shestakova L. L. Russian author's lexicography: Theory, history, current state. Moscow, 2011. 464 p. (In Russ.)

Received: 1 April, 2019